

УДК 2-78(498)
DOI 10.18101/978-5-9793-1674-1-85-94

**ВОЗВРАЩЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ-ЛИПОВАН В РОССИЮ:
1910–1930-е гг.**

© **Шевнин Иван Леонидович**
Российское географическое общество
Россия, г. Хабаровск
ils5@mail.ru

© **Комарова Ирина Юрьевна**
Россия, г. Москва
ir.yr.kom@gmail.com

В статье описывается возвращение старообрядцев-липован из придунайских земель в Россию в начале XX в. Старообрядцы селились крестьянскими общинами, часть переселенцев возвратились обратно, часть остались и в 1909–1912 гг. в окрестностях г. Алексеевска русские старообрядцы из Румынии и Австрии образовали 14 сел. Задача статьи — описать возвращение старообрядцев-липован в Россию на примере отдельных семей, предки которых повлияли на историю создания с. Рождественка. Авторы констатируют, что старообрядцы принимаются в подданство не в качестве иностранцев, а как лица, восстанавливающие связи с прежним своим отечеством. В заключение авторы приходят к выводу о том, что политические репрессии против священников и активных прихожан нанесли непоправимый урон церковной организации и привели к ликвидации религиозных общин в Приамурье. Потомки тех переселенцев из Румынии и сейчас живут на Дальнем Востоке и пытаются сохранить память о своих предках.

Ключевые слова: Русская Православная Старая Церковь, липовцы, Румыния, Австрия, Дальний Восток, Приамурье, переселение, возвращение, предки

LIPOVAN OLD BELIEVERS RETURN TO RUSSIA: 1910–1930

Ivan L. Shevnin
Full Member of the Russian Geographical Society (Russian Geographical Society).
Teacher, MBOU Gymnasium Number 7 of Khabarovsk
Khabarovsk, Russia
ils5@mail.ru

Irina Yu. Komarova
Moscow, Russia
ir.yr.kom@gmail.com

The article describes the return of the Lipovan Old Believers from the Danube lands to Russia at the beginning of the 20th century. Old Believers settled in peasant communities, some of the settlers returned, some remained in 1909-1912. In the vicinity of Alekseevsk, Russian Old Believers from Romania and Austria formed 14 villages. The purpose of the article is to describe the return of the Lipovan Old Believers to Russia using the examples of individual families, whose ancestors influenced the history of the creation of the village Rozhdestvenka. The authors state that Old Believers are accepted into citizenship not as foreigners, but as persons restoring contact with their former homeland. In conclusion, they say that politi-

cal repressions against priests and active parishioners caused irreparable damage to the church organization and led to the liquidation of religious communities in the Amur region. The descendants of those immigrants from Romania still live in the Far East and are trying to preserve the memory of their ancestors.

Keywords: Russian Orthodox Old Church, Lipovans, Romania, Austria, Far East, Primurye, resettlement, return, ancestors

Российская колонизация Приамурья и Приморья во второй половине XIX и начале XX в. — это «колонизация правительственная». В целом вся история российского Дальнего Востока — это пример успешной реализации стратегии регионального развития. А для освоения края требовался более высокий уровень культуры, в т. ч. и для сохранения своей самобытности в условиях окружения многочисленных соседей. Сохранению же традиций русской культуры способствовала конфессиональная принадлежность. Православная вера издревле культивировала в народной среде идеалы социальной справедливости, патернализма, почитания старших и уважения обычаев и традиций, заложенных предками.

В 1850–1870 гг. именно русские и в значительной степени их конфессиональные объединения, в том числе старообрядцы, были самыми компактными и многочисленными группами на первых этапах освоения Дальневосточного региона. Старообрядцы начали прибывать на Амур с 1860-х гг. В этот период они переселяются преимущественно из Уральского, Сибирского и Забайкальского регионов [Аргудяева 2000].

Прежде всего в таком переселении была заинтересована Амурская администрация, а также Главное управление Восточной Сибири [Лобанов 1997]. Местная администрация исходила в первую очередь из практических соображений заселения края [Он же 2001]. В колонизации Дальнего Востока приамурские генерал-губернаторы А. Н. Корф, С. М. Духовской, Н. И. Гродеков высоко оценивали старообрядцев [Всеподданейший 1886: 16; Всеподданейший 1895: 86; Всеподданейший 1886: 11].

В этот период на западной окраине Российской империи, в Придунайских землях, проживали, по данным А. И. Федоровой, до 16 000 липован, потомков старообрядцев, эмигрировавших туда в XVIII — первой половине XIX в. Часть крестьянских общин старообрядцев белокриницкого согласия располагалась на территории Российской империи, в Южной Бессарабии и развивалась по особым законам, не присущим старообрядцам других российских регионов. Большая часть общин липован находилась в Турции, Румынии, Австрии [Федорова 2007: Эл. ресурс].

Задача статьи — описать возвращение старообрядцев-липован в Россию на территорию Приамурья в 1910-х гг. и последствия этого явления в 1920–30 гг. с привлечением истории отдельных семей.

Предки авторов, русские старообрядцы-липоване, уехали из России в середине XVIII в., убягая от гонений за веру, а вернулись в начале XX в. Предки И. Ю. Комаровой подавали прошения на возвращение в Россию тремя семьями — Ивановы, Молодцовы, Сипаткины. Предки И. Л. Шевнина по материнской линии переселились двумя семьями — Устиновы и Гребенчуковы.

Проблема переселения старообрядцев в Амурскую и Приморскую области рассматривалась в Российском правительстве с 1898 г. Цели правительства были

прежде всего экономические. Оно было заинтересовано привлечь новых поселенцев и при этом потратить как можно меньше средств [Сердюк 1998: 167–168]. 22 июня 1900 г. правительством учреждены новые «Временные правила для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях», на основании которых осуществлялась колонизация Приамурского края в начале XX в. Крестьяне получали только по 15 десятин удобной земли на мужскую душу [Обзор 1913: 115].

В конце XIX — начале XX в. императорские правительства С. Ю. Витте и В. К. Плеве проявляли заинтересованность в переселении зарубежных старообрядцев на территорию строящейся КВЖД для осуществления «русского дела на Дальнем Востоке» и даже разработали конкретные проекты переселения [Шевнин 2016]. Подобный интерес сохранился и после войны 1904–1905 гг. у правительства П. А. Столыпина. 13 марта 1908 г. был высочайше утвержден «особый журнал Совета министров» о разрешении зарубежным старообрядцам переселиться в Сибирь.

В начале XX в. старообрядцы, населяющие Австрию, Румынию и Турцию, имели желание переселиться в Азиатскую Россию. Они были уверены, что Российское правительство хотело их переселить на Дальний Восток, и сделали предложения московским и нижегородским старообрядцам. Богатые и влиятельные старообрядческие сообщества России оказали помощь в возвращении. Совет все-российских съездов старообрядцев ходатайствовал перед Главноуправляющим землеустройством и земледелием по переселенческому управлению Б. А. Васильчиковым поставить этот вопрос перед П. А. Столыпиным.

В 1908 г. председатель Совета министров П. А. Столыпин считал, что необходимо всячески облегчить выезд в Россию проживающим преимущественно в Румынии старообрядцам-липованам. Особое совещание при МВД изменило порядок принесения верноподданнической присяги и предложило другие льготы. Льготы были высочайше утверждены 23 декабря 1908 г. [Жертвы: электронный ресурс].

В 1908 г. из румынских сел Сарикейя, Журиловки, Славы Русской в Сибирь выехали ходоки. Представитель Журиловки так описывал новые места: «И кисельные берега и медовые реки — все есть, рыбы — тьма-тьмущая, руками ловится, и все — даром».

Переселенческое управление в помощь ходокам издавало брошюры, в которых объяснялись природные условия мест водворения, возможности проезда, сроки хозяйственных работ, особенности поземельного устройства. Старообрядческий журнал «Церковь» в 1908–1912 гг. регулярно помещал информацию о переселении на Амур. В 1908 г. в нем была даже опубликована подробная карта Амурской области с указанием мест, отведенных под заселение [Липинская 2011].

Военный губернатор Амурской области генерал-майор Аркадий Михайлович Валуев считал, что переселение в области в 1909–1910 гг. шло как обществами, семьями, так и отдельными переселенцами [ГААО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 221. Л. 3].

В Российском государственном историческом архиве, в фонде Департамента общих дел Министерства внутренних дел Российской империи, хранится 20 дел, имеющих отношение к возвращению старообрядцев-липован в Россию. Властям

ми иностранных государств могли чиниться препятствия для получения документов, подтверждающих личность. Поэтому предлагалось принимать применительно к каждому отдельному случаю либо национальный паспорт, либо консульское удостоверение, либо просто поименный список, подтвержденный доверенным лицом. Для облегчения процесса принятия верноподданнической присяги в случае со старообрядцами разрешалось принимать присягу в присутствии кого-либо из чинов губернского и полицейского управлений, специально командированных для этого.

В 19 делах хранятся прошения. Всего собраны списки старообрядцев на 1551 семью, 6753 человека, в т. ч. подданных королевства Румынии — 936 семей, 4056 человек; Австро-Венгрии — 487 семей, 2100 человек; Болгарии — 125 семей, 585 человек; Турции — 3 семьи, 12 человек. Переселенцы ехали из селений Журиловка, Караклия, Слава Русская, Камень, Лукавица, Татарница, Свистовка, из местечек Белая Криница, Брэила, Тульча. Со старообрядцами следовали 1166 человек румынских малороссов. Всего 7919 переселенцев. Для приема приезжающих по выбору ходоков было подготовлено 6000 земельных наделов в Амурской области с расчетом на 2000 семей.

Формулировка «возвращение» используется во всех официальных документах МВД. Это особо подчеркивается властями. Указывается, что старообрядцы принимаются в подданство не в качестве иностранцев, а лиц, восстанавливающих связь с прежним своим отечеством, ведь никто и никогда не лишал старообрядцев подданства. Они уходили из страны в те времена, когда в Российской империи не было эмиграционного законодательства и почти полностью отсутствовала статистика отъездов. В первую стихийную волну эмиграции значительная часть эмигрантов покидала страну нелегально.

Испрашивающим подданства необходимо было составить списки-прошения, оплаченные двумя гербовыми марками по 75 коп. и подписанные, за исключением женщин и не достигших 15-летия детей, каждым находящимся в списке переселенцем с «пожеланием ныне вернуться в отечество предков для водворения на казенных землях Сибири» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 106. Д. 215. Л. 61]. За неграмотных подписывались грамотные по доверенности. К прошению прилагались удостоверения личности и подписки просителей-глав семейств в том, что выполнены все обязательства, лежащие на них в силу принадлежности к «настоящему его подданству и проживанию в пределах иностранного государства»¹ [РГИА. Ф. 1284. Оп. 106. Д. 215. Л. 61об.].

Переселенцы собирались на переходе Рени, ныне Одесская область Украины, ждали утверждения списков-прошений, получали проездные документы до Сре-тенска, Забайкальского края России, и следовали на пароходе по Амуру к новому месту жительства в Приамурье.

Старообрядцы селились на Дальнем Востоке исключительно общинами. Более того, у белокриницких старообрядцев «мир» и «церковный приход» совпадал при наличии священника. Община выбирала себе причт, священнослужителей. Церковная казна использовалась для нужд мирян. Религиозная община была встроена в крестьянскую общину и существовала неотделимо от нее.

¹ Автор испытала особую радость, когда увидела собственноручные подписи прадедов.

Так, в 1909–1912 гг. только в окрестностях г. Алексеевска Амурской области переселенцы образовали 14 сел, где существовали крестьянские и религиозные общины белокриницких старообрядцев, среди них — Москвитино, Малая Сазанка, Бардагон, Рождественка, Рогачевка, Костюковка, Климауцы, Семеновка, Маркучин, Нылга, Нижне-Каменка.

В 1909–1910 гг. в 143 верстах от Благовещенска и 17 верстах от Алексеевска был основан 8-й крестьянский участок, в котором имелись свободные доли (резиденция г. Алексеевска), в Серебрянской волости под названием «участок Юлтуган» (сел. Рождественское) [ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 7. Л. 39об.]. Именно на этом участке, на распутье между селами Рогачевкой и Москвитино на правом берегу р. Голубой, расположилось село Рождественка, которое было основано в 1909 г. русскими переселенцами-старообрядцами из Румынии.

Крестьяне активно включились в создание нового поселения. Было занято 1000 га угодий. Имя новой малой родине переселенцы дали на Великое Рождество поздней осенью, когда поселение приобрело облик деревни, а летних крестьянских забот поубавилось.

Село Рождественка преимущественно было заселено старообрядцами белокриницкого согласия. Среди них были: Марковенко Сергей Яковлевич, Суржиков Матвей Иванович, Суржиков Савва Иванович, Сипаткин Михаил Калинович, Устинов Аверьян Евдокимович, Философов Перфил Федосеевич, Пряжин Патрикей Никифорович, Гребенчуков Матвей Артемович, Хмарин Дмитрий Ивлевич. Крестьяне работали в своих хозяйствах, не было ни кулаков, ни батраков.

Михаил Калинович Сипаткин родился в д. Свистовка, Румыния, в 1891 г., до революции рыбачил и занимался хлебопашеством. Прибыл в составе семьи отца, Калены Феопентовича Сипаткина (69 лет) с матерью и девятью сестрами и братьями.

Прадед И. Л. Шевнина — Матвей Артемович (Артемьевич) Гребенчуков родился в 1866 г. в уезде Констанца, Румыния. В Рождественку переезжает вместе с семьей в 1909 г. В составе семьи его отец, Артемий Гаврилович, 92 лет.

Дед И. Л. Шевнина — Аверьян Евдокимович Устинов родился в 1896 г. в г. Тульча, Румыния. Вместе со своими родителями, русскими старообрядцами, он прибыл в Амурскую область вместе с переселенцами из селений Журиловка, Серекое, Миле 23, Русская Слава. В составе семьи его отец, Евдоким Устинов, 60 лет, мать, Анна Епифановна, 42 лет, сестры Ксения, 8 лет, и Татьяна, 7 лет. В селе существовала религиозная община. М.И. Суржиков стал священником после революции и был им до своего ареста в 1929 г. [Архив УФСБ РФ по Амурской области. Д. 77640. Т. 7. Л. 29–30]. Даже будучи священником, он оставался крестьянином, имел середняцкое хозяйство. Моления совершались в церкви. Церковь содержалась на пожертвования членов прихода. Среди жителей-старообрядцев села выбирался церковный староста или попечитель, в обязанности которого входило собирать пожертвования, расходовать их на церковные дела и т. д. Попечители выбирались на год. Ими были М. К. Сипаткин, С. И. Суржиков, А. Е. Устинов. Все они имели середняцкие хозяйства. П. Ф. Философов тоже был середняк. А.Е. Устинов был религиозным человеком, тесно связанным с духовенством.

В 1911 г. в с. Рождественка водворилось 144 мужчины и 132 женщины, всего 276 человек. В 1913 г. там в 26 дворах проживало 128 жителей обоего пола.

Надельной земли было 8027 десятин. Распахано 123 десятины. Рабочих лошадей — 20, при одной молодой лошади. Селяне держали 38 коз и 59 свиней. В среднем на 1 хозяйство приходилось 309 десятин наделной земли.

На наш взгляд, интересны общие итоги переселения старообрядцев-липован в Амурскую область. Чиновники Канцелярии Приамурского генерал-губернатора летом 1911 г. попытались сравнить данные по фактически прибывшим переселенцам со списками-прошениями. Забавно читать отчет заведующего Суражевским переселенческим подрайоном Амурского района А. Петрова в докладной записке заведующему переселенческим делом. В отчаянии он пишет руководству, что списки-прошения далеко не соответствуют фактическому состоянию, кроме этого, прибыло много переселенцев, не подававших прошений. Например, из 112 заявленных в прошениях семейств на Фелициановском участке 85 вообще не выезжали из-за границы. На Юлтуганском же участке в данный момент находится 63 семейства, а должно быть 9, из которых 5 уехали обратно в Австрию. Много зарубежных старообрядцев, не имея возможности заняться полевым хозяйством ввиду недостатка денег без сторонних заработков, покинули отведенные места и уехали на вольные заработки или отправились на рыбную ловлю.

В результате им был составлен список из 462 семей, 1834 человек: 1285 поданных Румынии, 545 — Австро-Венгрии, 4 — Болгарии, что в 4,3 раза меньше изначально заявленного числа желавших переехать. Из полученного списка 839 переселенцев вообще не были внесены в первоначальные списки-прошения. Это стало проблемой, ведь на основании первоначальных данных конкретные люди получали возможность льготного возвращения в подданство России. В деле есть справка, подготовленная для товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановского от 9 февраля 1910 г.: «принято в подданство России (старообрядцев) румынских подданных — 2272, австрийских — 2121, турецких — 10 и болгарских — 22, а всего — 4425 лиц» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 106. Д. 215. Л. 193 об.]. Как видите, расхождение в цифрах серьезное — 1834 и 4425. Предполагаем, что правительство изначально заблуждалось, сколько будет подано прошений, столько приедет людей. Все оказалось гораздо сложнее, и можно утверждать, что приехало не менее 1834 человек, из них 839 не было в списках-прошениях, а цифра 4425 — количество поданных прошений по состоянию на февраль 1910 г.

Головную боль для чиновников создал процесс принятия присяги. Из всех прибывших и переписанных чиновником А. Петровым приняли присягу на подданство России 25 семей, из них 2 семьи румынских переселенцев, остальные 23 — австрийских, это 94 человека. На вопрос о дальнейшей судьбе присяги румынские переселенцы ответили, что вроде бы и не отказываются вступить в русское подданство и будут готовы принять присягу вместе со своими товарищами, которые изначально не были внесены в списки-прошения, когда они получат разрешение на принятие присяги. Кроме этого, в частных беседах «румынцы» высказывали опасение, что дети должны будут учиться в православных школах и их религиозные убеждения могут подвергнуться нежелательному насилию. А переселенцы Нылгинского участка выразили настойчивое желание присягать в собственном храме, постройка которого будет завершена к 1 октября 1911 г., и непременно в присутствии священника после совершения предварительной литургии. На наш взгляд, это свидетельствовало о трудностях адаптации пересе-

ленцев к новым условиям проживания. В описании взаимоотношений чувствуется, что переселенцы поддерживали друг друга и не любили жить по правилам. В бумагах есть примечание, когда семья приехала по одним документам с другой семьей: Рыбаков Родион Сергеевич с детьми, вероятно, вдовец, «пришли по одним документам с Секретаревым» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 106. Д. 215. Л. 248 об.]. Этот факт и желание принимать присягу всем вместе говорит о единении и близких связях в сообществе липован — «один за всех и все за одного».

Чиновник описал свое понимание создавшейся ситуации: основная часть приехавших желает вернуться обратно. Некоторые открыто заявляли об этом. «Вообще, они не производят впечатления вполне осевших на своих новых местах и массовый уход их единоверцев с участков действует заразительно почти на всех старообрядцев, попавших сюда из Румынии и Австрии», — докладывал А. Петров [РГИА. Ф. 1284. Оп. 106. Д. 215, Л. 239 об.].

После анализа документов остаются вопросы — легализовались ли приехавшие нелегально, как и когда приняли присягу приехавшие легально?

К 1 января 1915 г. в главных городах Амурской области водворились русские крестьяне-старообрядцы, признающие священство: в Благовещенске — 737, в Зее — 10, в Алексеевске — 90. В Амурском уезде — 4 600 человек. Всего же в области проживали 6 096 старообрядцев-поповцев, среди них большая часть признавала священство Белокриницкой иерархии [Приложение 1915: 20, 21].

После Октябрьской социалистической революции 1917 г. и установления Советской власти Приамурье не утратило своего колонизационного значения и располагало огромным земельным фондом, не вовлеченным в оборот. Но политические изменения привели к ухудшению состояния хозяйств амурских старообрядцев. Советская власть остро поставила вопросы классового расслоения деревни, ограничения ее кулацких слоев, системы уравнительного землепользования, уничтожения права собственности на землю и классового подхода к обложению сельского хозяйства, что не способствовало развитию крупных крестьянских хозяйств и росту зажиточности. В 1920–1930 гг. огромное давление властей на крестьян привело к тому, что часть крестьян смирилась с коллективизацией, часть продолжала демонстрировать разные формы сопротивления, другие просто бежали за границу, в Китай. Местами наблюдалась в значительных размерах самоликвидация крестьянских хозяйств и уход крестьян в город, для работы на промышленных предприятиях [Лыкова, Проскурина 2004: 22, 33, 109, 137, 142].

На примере с. Рождественка видно, что относительно высокий уровень развития хозяйства оставался у жителей села на протяжении десятилетия. К 1930 г. в селе насчитывалось 45 дворов. Были примеры как сохранения, так и расширения домашнего хозяйства в 1920-е гг.

М. А. Гребенчуков до революции имеет 6,1 дес. земли, один дом, плуг, борону, корову, лошадь, свинью. При вступлении в колхоз «Боевик пятилетки» сдал лошадь, телегу, восемь ульев пчел, железную борону и продолжал проживать в Рождественке, занимался рыбалкой, пчеловодством и земледелием. В 1932 г. он имел лошадь, телегу, восемь ульев пчел, корову, избу, сарай, зимовье, 0,35 дес. земли, два плуга и амбар, оставаясь середняком.

А. Е. Устинов, молодой человек, раскрывает свои крестьянские таланты и постепенно расширяет подворье, даже будучи середняком. К 1929 г. он владел

16,55 дес. обрабатываемой земли, домом, землянкой, 5 хозяйственными постройками, мастерской. Имел два плуга, две бороны, веялку, самовязку. Держал домашний скот: три лошади, две коровы, две свиньи. Годового дохода от обработки земли имел 51 руб. 53 коп., от подсобных предприятий — 700 руб., от скотоводства — 100 руб., от торговли — 300 руб. Платил единый сельхозналог в размере 51 руб. и самообложение — 52 руб. При таком хозяйстве имел одного сезонного рабочего. Своим трудом обеспечивал семью. Но с началом мероприятий по коллективизации и репрессиям бросает нажитое хозяйство. В 1929 г. ОГПУ арестовало за контрреволюционную деятельность о. Матвея Суржикова и Савву Суржикова, Патрикаея Пряжина [Архив УФСБ РФ по Амурской области. Д. 77640. Т. 4. Л. 673]. После этих событий в 1929 г. А.Е. Устинов срочно ночью уехал из села. Впоследствии он поселился под г. Хабаровском, на левом берегу р. Амур, на хуторе Кочка и стал рыбаком. Имел на своем попечении семью, состоящую из жены, престарелой тещи и пяти детей. В 1933 г. хозяйство его составляли корова и дом-мазанка. Там же поселился и М. К. Сипаткин, который также стал рыбаком. Хотя они и были красными партизанами, ОГПУ их арестовывает в мае 1933 г. и привлекает к уголовной ответственности по делу о т.н. «Всероссийском союзе старообрядческих братств Белокриницкого толка» по ст. 58-2, 58-10, ч. II УК РСФСР [Федорова: Эл. ресурс].

После ареста старообрядческого священника в 1930 г. на законных основаниях была закрыта церковь в с. Рождественка Свободненского района и отдана под школу в соответствии со ст. 37–80 Постановления ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. Община распалась. При отсутствии священника в селе никаких собраний больше не проходило, на моления не собирались, после закрытия церкви отпала надобность в попечителях. В настоящий момент с. Рождественка не существует. О колхозе напоминают только развалины коровника.

Сложно пришлось вернувшимся старообрядцам в 1930-е гг. В базе «Мемориала» найдены фамилии 144 репрессированных переселенцев, в основном мужчины-главы семейств, из них 53 приговорены к высшей мере наказания [Шевнин 2019: Эл. ресурс]. В семье И. Л. Шевнина в начале 1930-х гг. ОГПУ арестовало М. А. Гребенчукова по делу о «Всероссийском союзе старообрядческих братств Белокриницкого толка». Ему было предъявлено обвинение, но впоследствии его освободили по старости. А. Е. Устинов был осужден на два года условно. Участвовал в строительстве г. Комсомольска-на-Амуре. В семье И. Ю. Комаровой репрессированы два брата прабабушки Анны — Михаил Сипаткин приговорен к 5 годам концлагерей и Перфил Сипаткин — к высшей мере наказания. Расстреляны прадед Карп Борисович Иванов, осевший после переселения в с. Марковка под Хабаровском, и отчим бабушки Прасковьи, второй муж прабабушки Анны, Авдей Изотович Федоров, 69 лет, переселенец из австрийской деревни Лукавицы, на момент ареста проживавший в с. Новокаменка Амурского района. В деле он описывается как «дряхлый от старости». Здесь, думается, единение в рядах липован сыграло трагическую роль. Братские отношения стали опасны. Семья постаралась забыть свои румынские корни.

Предки авторов волею судеб в начале XX в. оказались в миграционном потоке старообрядцев-липован на огромных пространствах Евразии. Поток двигался из Восточной Европы до Дальнего Востока, раздвигая границы своеобразного ста-

рообрядческого мира [Муравьев 2013: Эл. ресурс]. Переселенцы из Румынии активно участвовали в колонизации Приамурья, укрепляя отчасти геополитические позиции России в этом регионе. Но политические и социальные перемены 1920–1930-х гг. полностью изменили старообрядческие формы экономической и социальной организации, созданные крестьянами-переселенцами за 20 лет в Приамурье. Дальневосточный старообрядческий мир оказался слишком хрупким перед натиском политических репрессий. Он распался на мелкие части. Наиболее активная часть белокриницких старообрядцев была репрессирована. Многие семьи по отдельности уехали в другие регионы страны, некоторые — за пределы России. Оставшиеся в Приамурье старообрядцы-липоване были вынуждены изобретать новые формы церковной жизни. Потомки тех переселенцев и сейчас живут на Дальнем Востоке, большая часть из них недостаточно знает своих предков или не знает совсем. А русские жители румынской Добруджи, пытаясь сохранить древлеправославную веру своих отцов, и вовсе забыли об уехавших больше ста лет назад родственниках.

Литература

1. Аргудяева Ю. В. Конфессиональные группы русских в Приамурье, Приморье, на Сахалине: формирование, адаптация, развитие (к постановке проблемы) // Христианство на Дальнем Востоке: мат-лы междунар. науч. конф. Ч. I. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 6–8.
2. Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. 365 с.
3. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора А. Н. Корфа за 1883, 1884, 1885 и 1886 гг. Хабаровск, 1886.
4. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова за 1901–1902 гг. Хабаровск, 1902.
5. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского за 1893, 1894 и 1895 гг. СПб., 1895.
6. Лобанов В. Ф. Формирование и деятельность старообрядческих общин в Приамурском крае во второй половине XIX в. // Алтарь России: альманах. Вып. 1. Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока, история и современность: местная традиция, русские и зарубежные связи: мат-лы науч.-практ. конф. (19–25 сентября 1994 г., г. Владивосток). Владивосток — Большой Камень: Омега, 1997. С. 38–44.
7. Лобанов В. Ф. Опыт взаимоотношений старообрядцев и светской власти на Дальнем Востоке (вторая половина XIX — нач. XX в.) // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона: Первые Крушановские чтения-1998. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 229–231.
8. Липинская В. А. Из Румынии в «Амурию» // Судьба старообрядчества в XX — начале XXI в.: История и современность: сб. науч. тр. и материалов. Вып. 5. Киев: Випол, 2011. С. 153–173.
9. Лыкова Е. А., Проскурина Л. И. Деревня российского Дальнего Востока в 20–30-е годы XX века: коллективизация и ее последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004. 188 с.
10. Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913.
11. Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1914 г. Благовещенск, 1915.
12. Сердюк М. Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858–1917): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ, МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ,
РУССКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ

13. Шевнин И. Л. Переписка С. Ю. Витте с Д. С. Плеве о предоставлении свободы вероисповедания старообрядцам в Маньчжурии (1899–1903) // Религиоведение. 2010. № 3. С. 20–27.

14. Шевнин И. Л. Переселение зарубежных старообрядцев-липован на Дальний Восток в 1907–1912 гг. в условиях свободы вероисповедания // Религиоведение. 2016. № 2. С. 40–46.

Электронные ресурсы

15. Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://base.memo.ru> (дата обращения: 09.05.2019).

16. Муравьев А. Старообрядцы в истории Восточной Европы. Часть 1. 2013. 30 Марта. URL: <http://polit.ua/lectures/2013h/03/27/muraviev.html> (дата обращения: 04.05.2020).

17. Федорова А. И. Старообрядческие общины Южной Бессарабии в середине XIX века // Липоване: история и культура русских старообрядцев: материалы ежегодника и научных конференций / сост.: А. А. Пригарин; кафедра археологии и этнологии Украины, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова. Вып. I–IV. Одесса, 2007. 1 DVD-ROM. Загл. с этикетки диска.

18. Шевнин И. История старообрядческого братства // Словесница искусств. 2012. № 2(30). URL: <https://www.slovoart.ru/node/1186> (дата обращения: 09.05.2019).